

Г. Берестнев

Современный русский эротический анекдот и «заветные сказки»: черты жан- ровой идеологии

Обращение к эротическому анекдоту как объекту лингвистического исследования диктуется тем, что в этом фольклорном жанре для науки о языке объединяются две области интереса. Во-первых, эротический анекдот, имеющий весьма четкую тематическую направленность, в особой мере способен раскрыть эротические представления, присущие обыденному сознанию того или иного народа. Эротика составляет важнейшую сферу человеческого бытия, что выразилось в существовании в культуре целого ряда устойчивых «эротических» моделей¹. Однако конкретные представления об эротизме имеют и культурно-обусловленные черты, которые закрепились в соответствующей картине мира, в конечном итоге определив собой ее своеобразие. И именно языковой анализ эротических текстов позволяет выявить специфику столь важного ее фрагмента.

Вторую проблемную область, представленную в эротическом анекдоте, составляет когнитивная функция человека, механизмы его ментальности. Современный анализ текстов, призванных рассмешить, позволяет более глубоко понять природу смешного. А ответить на вопрос, что человеку кажется смешным, значит сделать еще один важный шаг в объяснении структуры и функционировании его сознания.

Вообще тексты эротического содержания – весьма древний и, по всей видимости, универсальный фольклорный жанр. Они встречаются не только у европейских народов, но и далеко за пределами индоевропейского культурного ареала². Восточнославянская и собственно русская культурная традиция в этом плане не составляет исключения: практически до настоящего времени в русской деревне имеют хождение непристойные тексты, хотя, по замечанию Б.А. Успенского, они «обычно рассказываются лишь в определенных аудиториях и, видимо, в особых ситуациях»³. По традиции, идущей еще от В.И. Даля, такие тексты называются «заветными».

Современным эротическим анекдотам ближе всего «заветные сказки»⁴. Это сравнительно небольшие по размеру повествования, в которых в забавном свете показаны сексуальные связи между полами (их представляют как люди, так и животные) или «орудия» этих связей – penis и vulva. Объект интереса в «заветных сказках» составляют также другие естественные отправления человеческого организма и все, что с этим связано.

Забавность, стремление вызвать смех – другая черта, сближающая «заветные сказки» с современными эротическими анекдотами. Когнитивный механизм этой забавности в обоих случаях один и тот же: в тексте осуществляется воссоздание содержательно двойственной ситуации и противоположные точки зрения на нее соединяются⁵. Однако конкретные приемы создания этого эффекта в «заветных сказках» уникальны. Так, этот эффект возникает на основе остранения, при котором ситуация или объект эротического характера внешне представляется разными лицами как ситуация или объект, далекие от эротики (и наоборот)⁶. Например, в сказке «Вошь и блоха» ситуация coitus'a описывается как нечто бытовое, совершенно далекое от него; аналогичным образом представлена ситуация coitus'a в сказке «Мужик, медведь, лиса и слепень»⁷.

Еще один способ создания семантической двойственности в «заветных сказках» – использование отчетливо многозначных слов и конструкций, ведущее к столкновению бытовой и эротической сфер⁸. Так, в сказке «Догадливая хозяйка» дочь спрашивает у матери, как она печет необыкновенно вкусный хлеб. *Послушай, дочка! – говорит старуха. – Ты, верно, нехорошо месить квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен; а ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя ж...на была мокра! Так и дело будет ладно!* Мать советует дочери всего лишь тщательнее вымешивать тесто, но та понимает совет буквально: *Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить; помесит-помесит, да подымет подол и пощупает: мокра ли ж...на.*

Наконец, семантическая двойственность в «заветных сказках» создается посредством загадок⁹. В подобных случаях эротические объекты называются или изображаются не прямо, и слушателю предстоит самому догадаться, о чем, собственно, идет речь. Так, в варианте сказки «Чесалка» penis батрака поповна называет бураком, а сам он – чесалкой. При этом в том и другом случае используются метафоры, которые легко разгадываются. В сказке «Вошь и блоха» загадку составляют обстоятельства coitus'a, причем персонажи сказки, вошь и блоха, разгадать ее не могут – это должен сделать слушатель.

Таким образом, уже в «заветных сказках» важную роль сыграл принцип языковой игры, реализующийся на семантическом уровне и собственно в плане «сильной» – денотативной семантики.

Яркую языковую особенность «заветных сказок» составляет их принципиальная стилевая сниженность. Частично это может быть объяснено уже отмеченной средой их бытования. Однако дело здесь не только в этом. Наличие в «заветных сказках» сниженных слов – их неотъемлемая внутренняя

черта, и замена подобной лексики на эфемистическую оказывается невозможной, поскольку этим разрушается сама природа данного жанра.

Необходимо, наконец, несколько слов сказать о системе основных образов «заветных сказок». Как уже говорилось, их персонажами выступают животные или люди, причем те и другие обнаруживают связь с обстоятельствами традиционного русского быта. Так, первые – это различные существа, с которыми человек так или иначе сталкивался в быту: медведь, волк, лиса, заяц, дятел и воробей, кобыла, кот, блоха, вошь, слепень. К числу персонажей второго рода относятся барыня и молодец, старик и старуха, жених и невеста, мужик и его жена, отец и дочка, теща и зять, батрак и хозяйская жена или дочка, поп, попадья и поповна, дурень, солдат, черт, леший и т.д. Основные признаки, по которым эти персонажи противопоставляются друг другу, – *мужской / женский*. Дело доходит даже до того, что отец вступает с дочерью в сексуальные отношения как с обычной женщиной, что, собственно, и рассматривается как забавное (*Добрый отец; Чесалка*).

Посредством устойчивых образов в «заветных сказках» представляются также *penis, vulva* и *coitus*. Первый репрезентируется на основе метафорических моделей, совокупное рассмотрение которых позволяет реконструировать общее видение данного объекта в народной культуре. Так, в соответствии с действующими в этой сфере общими архетипическими правилами, его представляют различные продолговатые предметы: *палка, кол, свая, шило*. Но в каждом конкретном случае актуальными оказываются некоторые дополнительные их семантические признаки. Например, образ *кола* связывается с мыслью о «пробивающей» функции *penis'a*; образ *шила* рождает мысль о его протыкающем / проникающем воздействии; образ *сваи* содержит в себе признаки больших размеров и ассоциативно связывается с мыслью о «сильном» проникновении в иную среду (*сваю вбивают / вколачивают*)¹⁰.

Другой богатый семантическими обертонами образ, посредством которого в «заветных сказках» представляется *penis*, – образ *коня*. Но с ним связывается не мифологические, а сугубо бытовые, обыденные содержания, которые и составляют основу его метафоричности. Таково, в частности, местоположение *penis'a* относительно его обладателя: внешне все выглядит так, будто мужчина оседлал его и сидит на нем верхом¹¹. Это представление поддерживается и мыслью об относительной независимости мужского полового органа, его «ретивости», своенравности – все это находит основание в его реальных физиологических свойствах¹². Завершается сравнение *penis'a* с конем установлением тождества между утолением жажды коня и удовлетворением эротического желания мужчины (то обстоятельство, что *vulva* и вне контекста сказки метафорически представляется как колодец¹³, лишь дополнительно способствует этому).

Б.А. Успенский выделил еще одну образную модель *penis'a* – *чесалку*, основание метафоризации которой, по его мнению, составляет мифологи-

ческая связь волос с обилием, плодородием и т.д.¹⁴ Вместе с тем контекст сказки (употребление глагола *чесать* в значении 'futuere') дает основание полагать, что это сближение могло осуществиться и по гораздо более «обыденному» признаку – производимому фаллосом трению (*frictio*).

Существуют в «заветных сказках» и иные номинации фаллоса – такие как *богатство*, «*струмент*», *кляп*. В целом все эти фигуры обнаруживают представление о мужском половом органе как о большой ценности (и с точки зрения мужчин, и с точки зрения женщин), «орудии», которым мужчины пользуются в связях с женщинами, о «пробивной силе» этого орудия и о некоторых других его особенностях.

Vulva представлена в «заветных сказках» меньшим числом образов, причем одни из них (такие как *дыра*, *колодец*) являются культурными универсалиями или близки таковым, другие явно имеют окказиональный характер. Таков, например, образ *тюрьмы*, вокруг которого организуется весь сюжет сказки «Стыдливая барыня» (в отношении к нему фаллос также окказионально именуется «вором»).

Современные эротические анекдоты в русской культуре, несомненно, представляют собой продолжение традиции «заветных сказок» – об этом говорят некоторые из их особенностей. Вместе с тем они имеют такие черты, которые определяют собой их собственную жанровую и языковую специфику. Рассмотрим те и другие несколько более детально.

Первое, что обращает на себя внимание в этом плане, – более «высокая» стилевая организация анекдотов по сравнению с «заветными сказками». Правильнее было бы говорить даже об их стилизованности. Все упоминаемые в них эротические реалии обычно именуются эвфемистически, а возможное использование с этой целью сниженной лексики, как правило, не влияет на вызываемый ими смеховой эффект (более того, прямые упоминания подобных реалий в эротических анекдотах вообще могут отсутствовать). Таким путем расширяются рамки бытования эротических анекдотов. В настоящее время они не являются достоянием какой-то определенной аудитории – мужской или женской, интеллигентной или простонародной (однако их, так же как «заветные сказки», запрещается рассказывать детям).

Второе яркое отличие эротических анекдотов от «заветных сказок» состоит в гораздо более отчетливом действии в них принципа семантической двойственности, который реализуется главным образом в сфере прагматики. У взрослого человека имеются определенные знания о ситуациях, относящихся к эротической сфере, и эти ситуации он рассматривает как нормальные. Смех же вызывают двусмысленности, создающие игру описанных в анекдоте ситуативных планов. В одних случаях эти двусмысленности лежат в ситуативных отношениях «неэротическое / эротическое», в других – в собственно эротической сфере как «норма / отклонение от нормы». Однако в тех и других случаях слуша-

тель совершает ментальные усилия, чтобы обнаружить скрытый в анекдоте второй ситуативный план. Осуществляемый при этом когнитивный «скачок», собственно, и вызывает смех¹⁵. См., например, соответственно (1) и (2).

1) Лозунг металлургов: «Наша сила в плавках!»

2) В кабинет врача на прием входит старушка. Врач, молодой мужчина, заполняет карточку предыдущего пациента и, не поднимая головы, говорит:

– Бабушка, я сейчас закончу, а вы проходите за ширму и раздевайтесь.

– Да как же раздеваться, внучок, я стесняюсь.

– Не надо стесняться, раздевайтесь.

– Ой, да я же не могу...

– Раздевайтесь бабушка, не будем терять время.

Старушка проходит за ширму, некоторое время возится там, затем из-за ширмы доносится игривое:

– Ну иди сюда, баловник...

Третье достаточно очевидное отличие современных эротических анекдотов от «заветных сказок» лежит в сфере их образности и тематической организации. По понятным причинам персонажами эротических анекдотов по-прежнему являются лица мужского и женского пола (люди, реже – животные), однако проявления их эротичности и комичные ситуации в этой сфере рассматриваются уже гораздо более широко. Это отношения мужа и жены, связи любовника и любовницы, сексуальная психология мужчин и женщин, их способность к сексу, оценка сексуальных достоинств, коллизии с половыми органами как «орудиями» секса и т.д. По существу, в такого рода анекдотах оказывается представленной вся наивная философия эротики, присущая современному русскому культурному сознанию.

При таком подходе определяются три основные группы эротических анекдотов: «мужские» – в том смысле, что в них на основе эффекта смешного оценивается эротическая сфера мужчин, «женские» – такие, в которых аналогичным образом оценивается эротическая сфера женщин, и «общие» – такие, в которых производится сравнение эротических сфер мужчины и женщины, мужа и любовника, жены и любовницы по тому или иному признаку. И эффект смешного проистекает в этом случае из неожиданности основания сравнения.

Что касается последней группы, то относящиеся к ней анекдоты сравнительно немногочисленны, и в них обычно выражаются самые общие характеристики мужчин и женщин. Ср. примеры (3) и (4).

3) Какая разница между любовницей и женой?

– 20 килограммов.

А между любовником и мужем?

– 20 минут.

4) Мужчина лежит в постели с любовницей у нее дома. Вдруг стукнула входная дверь – муж пришел с работы домой. Мужчина в панике заметался по комнате, а любовница его успокаивает, мол, сейчас она все устроит. Накинула халатик, вышла в прихожую к мужу и говорит:

– Дорогой, пока ты не разделся, вынеси ведро с мусором.

Муж пошел выносить мусор, а любовник тем временем оделся и благополучно ушел. Идет он по улице и думает, какая любовница умная, как она все хорошо сделала. Вошел в свой подъезд, открыл дверь в квартиру. Тут из комнаты выходит жена в халатике и говорит:

– Дорогой, пока ты не разделся, вынеси ведро с мусором.

Мужчина взял ведро, несет его и думает: «Да, какая все-таки любовница у меня умная! А жена-то, дура, даже ведро вынести не собралась».

Более показательны в «философском» плане анекдоты первых двух типов. Рассмотрим некоторые черты идеологии и образности «мужских» анекдотов.

Прежде всего, область интереса в них составляет эротическая сфера мужчины как таковая. Эффект смешного в этом случае вызывается неожиданным отклонением от жизненной «нормы» в двух направлениях. С одной стороны, показывается исключительная гиперсексуальность мужчин, проявляющаяся в самых неожиданных условиях. Описываемые в этих случаях ситуации представляются так, будто для мужчины секс – это единственный, всепоглощающий интерес в жизни. Ср. (5).

5) Идет бракоразводный процесс. Судья обращается к женщине:

– Истица, объясните суду, почему вы решили подать на развод?

– Мой муж меня замучил. Он меня раз пять будит ночью для *этого*, потом совершает *это* пару раз утром; после завтрака, уходя на работу, – еще два раза, на обед приходит – еще ему подавай, после работы – то же самое. А ночью все начинается сначала. Я так больше не могу.

Судья обращается к мужу:

– Ответчик, что вы на это можете сказать?

– Знаете, гражданин судья, я вот здесь стою, и мне хочется.

С другой стороны, явное отклонение от нормы составляют такие ситуации, в которых от мужчины требуется проявление определенной эротической заинтересованности, а он обнаруживает иные, гораздо более банальные интересы – обычно это алкоголь или спорт (футбол, хоккей). Ср. примеры (6) и (7).

6) В жизни мужчин бывают периоды, когда они абсолютно равнодушны к женщинам. Это 1-й, 2-й, 3-й периоды хоккея.

7) Родители Вовочки ушли в кино, а он в это время решил пригласить домой Машеньку. Пришли, распили папин коньяк и улег-

лись в постель. В это время родители вернулись домой и, войдя в спальню, увидели Вовочку с Машенькой. Кто о чем думает:

Машенька. – При родителях трахает. Значит, любит.

Вовочка. – Никак не могу кончить. Наверно, алкоголь действует.

Мама. – Как она держит ноги? Ребенку же неудобно.

Папа. – Зря коньяк оставил.

Другая сторона интереса к мужскому эротизму – потребность мужчин в сексе и то, какими путями эта потребность удовлетворяется. В неожиданности решения этого вопроса и рождается эффект смешного. Так, сексуальная потребность мужчин может удовлетворяться каким-либо неожиданным «нетрадиционным» способом, не предполагающим связь с женщиной, что, собственно, и вызывает смех. Ср. примеры (8) и (9).

8) Космонавт два года на орбите. Шлет радиogramму в ЦУП: «Пришлите женщину, уже совсем не могу без нее». Прилетает очередной грузовой корабль Космонавт осуществил стыковку, открыл люк, видит: женщины нет, но есть посылка, а в ней – тюбики с кремом и с надписями «Блондинка», «Брюнетка», «Шатенка», «Полная», «Худая», «Высокая» и т.д. На листке бумаги – инструкция по употреблению состава: «Нанести на член тонким слоем и втирать до полного удовлетворения».

9) Едет человек по пустыне на верблюде, и захотелось ему.

Слез он с верблюда, снял с него тюки, подложил их сзади верблюда, чтобы удобнее было. Только залез и пристроился – тот сделал несколько шагов вперед. Человек слез, перетащил тюки, вновь залез на них – верблюд вновь передвинулся. Так было несколько раз, пока верблюд и человек не взошли на вершину бархана. Тут видит человек: за барханом оазис с источником, а возле источника – прекрасная обнаженная девушка. Он бросился к ней, подбежал и спрашивает:

– Девушка, хочешь сделать меня счастливым?

Та отвечает:

– Хочу.

– Сделай милость, поддержи верблюда...

Еще более неожиданно и потому забавно отношение мужчины к сексу как к проблеме, стоящей в ряду прочих бытовых проблем, и облегчение, испытываемое им, когда эта проблема снимается у него сама собой, – ср. (10):

10) Идет заседание сельсовета. Его члены горячо обсуждают важные проблемы своего села. Быстрым шагом в комнату входит председатель, бросает кепку на стол:

– Все, одной проблемой меньше!

– Что, корма завезли?

– Нет, х...й не стоит.

Большое количество «мужских» анекдотов посвящено теме penis'a. В них это одно из достоинств мужчин как с их собственной точки зрения, так и с точки зрения женщин. Penis должен быть большим (причем слишком большим он не бывает никогда). И мужчины в этих обстоятельствах

склонны преувеличивать собственные достоинства, женщины же, наоборот, склонны преуменьшать достоинства своих мужей – ср. (11) и (12):

11) Стоит мужик перед зеркалом голый. На кухне жена готовит обед. Мужик:

– Эх, вот если бы мне еще пару сантиметров прибавить, я был бы королем!

Жена откликается:

– А если бы тебе убавить пару сантиметров, ты был бы королевой!

12) Отец кормит сына в комнате:

– Ешь кашу.

– Не буду.

– Ешь, кому говорят!

– Не буду!

– Ешь, а то пися не вырастет.

Мать из кухни:

– Сам бы ел...

Другое важное представление о penis'e, характерное для «мужских» анекдотов, – его независимость от мужчины, которому он принадлежит. Penis живет как бы отдельной жизнью и в решающие моменты действует по своему усмотрению. Как было показано выше, сходные идеи отмечаются и в «заветных сказках». Однако в анекдотах этот орган не рассматривается отдельно от его обладателя, скорее это «своенравный слуга», с которым хозяин находится в более или менее дружеских отношениях или от которого находится в зависимости. Ср. (13) и (14):

13) Мужчина вышел ночью в туалет по малой нужде и обращается к своему члену:

– Ну что, подлец, когда тебе нужно, я встаю...

14) Вечереет. Молодая женщина идет по дорожке парка с работы домой. Кругом никого. Вдруг она видит: в кустах грузин стоит и мочится. Она испуганно и вскрикивает:

– А-а-ах!

Грузин, увидев это, говорит миролюбиво:

– Не бойся, женщина, проходи. Я его держу.

При этом в анекдотах, так же как в «заветных сказках», важную роль играет архетипическая символика предметов: продолговатые символизируют «мужское», округлые – «женское». Однако в настоящее время подобные объекты оказываются полностью лишены мифологического содержания. Это всего лишь метафоры (в духе З. Фрейда), посредством которых репрезентируются penis и vulva, и разгадка таких метафор, узнавание того, что за ними на самом деле стоит, составляет в данном случае когнитивный механизм смешного. См., например, (15).

15) Одна дама очень любила работать в своем огороде, но, как она ни старалась, помидоры у нее не созревали. Она попросила поделиться секретом своего соседа по огороду, у которого всегда были восхитительные помидоры.

– Все просто, – пояснил сосед. – Дважды в день я полностью обнажаюсь перед помидорами, и они краснеют от смущения.

Дама последовала его совету. Спустя две недели сосед решил поинтересоваться ее успехами.

– Ну, как дела с помидорами?

– С помидорами не очень, но вы бы видели размеры моих огурцов!

Наконец, достаточно широко распространена в «мужском» эротическом анекдоте тема супружеской неверности. Она не является строго «мужской», но ее конкретное воплощение имеет несколько характерных черт, проливающих свет на мужскую философию современного русского эроса. Так, мужчины показываются равнодушными к своим женам, но именно этим равнодушием обеспечивается прочность семейных отношений. К любовницам мужчины относятся трепетно исключительно потому, что они – чужие. Для мужчин это вопрос принципиальный и не требующий рационального объяснения: чужое следует сделать своим. Вследствие этого и измены, и отношения с женой для мужчины – дело рутинное, к тому и другому он относится с известной долей особого, жизнерадостного цинизма. Обыгрывание этих противоречий, их соединение в рамках одной и той же ситуации и рождает смеховой эффект. См. примеры (16) – (17).

16) Пришел муж домой под утро. Разделся в прихожей, прошел в спальню, подошел к постели, на которой спит жена, поднял одеяло, смотрит и бормочет:

– Красавица! Была б чужая – цены бы не было...

17) Некий мужчина пришел с работы позже обычного. Жена его встречает словами:

– Дорогой, ты слишком много работаешь, ты так устал. Скорее садись ужинать и спать...

На следующий день он пришел еще позже, на щеке у него помада. Жена опять стала виться вокруг него:

– Дорогой, тебя опять задержали на работе! А помадой ты выпачкался, наверно, в транспорте? Скорее садись ужинать и спать...

Назавтра мужчина приходит домой в два часа ночи, изрядно навеселе, от него пахнет женскими духами, на шее – засос. Жена молча стоит и смотрит на него. Он поднимает глаза:

– Дорогая, ты ведь у меня такая умница! Ну придумай хоть что-нибудь.

Что касается «женских» эротических анекдотов, то их тематика лишь отчасти соответствует тематике анекдотов «мужских». В частности, в них рассматривается эротическая сфера женщин, устанавливается двоякое отклонение от «нормы» в этой сфере – гипо- и гиперсексуальность. Но сме-

ховой эффект в этом случае создается уже на несколько иных основаниях. На первое место ставится недостаточная сексуальность женщин, которую они, однако, проявляют исключительно в отношении своих мужей. С ними секс тяготит женщин – во всяком случае они стремятся к умеренности сексуальных связей с мужьями. Мужья же в этих обстоятельствах оказываются заложниками, жертвами сексуальной сдержанности жен, что, собственно, и создает смеховой эффект. См. (18), (19), также (5).

18) О чем думают женщины разных национальностей во время секса.

Француженка: «Любит – не любит».

Американка: «Заплатит – не заплатит».

Русская: «Потолок побелить, что ли...»

19) Муж с женой в зоопарке стоят возле клетки, в которой сидит самец гориллы. Вдруг муж открывает клетку и вталкивает в нее жену. Та бьется в испуге и кричит:

– Ваня, открой! Ваня, выпусти меня! Ведь он меня изнасилует!

– А вот ты ему скажи, что ты не хочешь, что ты устала, что у тебя голова болит...

Вместе с тем женщины могут проявлять в отношениях с мужьями и крайнюю гиперсексуальность. Они всегда готовы к сексу, всегда «хотят». И в подобных случаях муж, наоборот, оказывается жертвой невероятных эротических притязаний жены. Ср. (20).

20) Приходит женщина к врачу-сексологу, жалуется, что муж охладел... Врач говорит:

– Вот вам таблеточки новейшие, экспериментальные... Даже испытания еще до конца не прошли... Две штучки дадите, потом расскажете, как сработало.

Прибегает женщина через два дня.

– Доктор, это просто чудо! Помогло, да еще как! Как принял, так через двадцать минут сразу два раза, потом еще трижды вечером, ночью два раза просыпался, утром перед работой, в обед – даже постель не успел, с работы пришел – еще разок, потом перекусил чупок и перед смертью еще дважды.

Такая гиперсексуальность может проявляться также в любовных связях с другими мужчинами и даже в ситуациях сексуального насилия. При этом в одних случаях смеховой эффект возникает в связи с неожиданностью проявления гиперсексуальности женщины, в другом – в связи со смысловой инверсией, при которой насилие обнаруживает себя как нравящееся женщине, доставляющее ей удовольствие. См. (21) и (22).

21) В купе едут мужчина и женщина. Мужчина говорит:

– Знаете, мне кажется, пока я еду в командировку, моя жена мне изменяет.

Женщина ему в ответ:

– И у меня такое чувство, что пока я еду, мой муж мне изменяет.

Давайте им отомстим.

Легли. Отомстили. Женщине понравилось, она говорит:

– Давайте отомстим еще раз.

Отомстили еще раз. Женщине опять понравилось. Она предложила еще отомстить. Отомстили еще. После четвертой мести бес-
силенный мужчина говорит:

– Вы знаете, кажется, я свою жену прощаю.

– Вот все вы, мужчины, такие слабохарактерные. А я бы все мстила, мстила, мстила...

22) Один «новый русский» другому:

– В прошлом году ездили с корешем семьями на Канары, так нам на пляже в первый же день морды набили, а жен наших изнаси-
ловали. Теперь вот выбираем: на Кипр ехать или на Ямайку.

– А жены что?

– Заладили, как попугаи: «На Канары! На Канары!»

Представление о скрытой от мужей сексуальности жен рождает мысль о блудливости женщин, их природной порочности. Непосредственно эта порочность проявляется в хитрости и изворотливости женщин в эротических ситуациях, в том, что они всегда находят оправдания собственному блуду. Неожиданность этих оправданий и составляет в подобных случаях механизм смешного. Ср. (23).

23) Женщина хоронит мужа. Рядом с ней идет любовник и нашептывает:

– Маша, я тебя хочу.

– Ты что, с ума сошел? В такой-то день ты говоришь об этом?

– Я тебя хочу, ничего не могу с собой поделать.

Во время поминок любовник сел рядом и все нашептывает:

– Я тебя хочу... Я тебя хочу...

После поминок пришли домой, а любовник все свое.

Тогда женщина и говорит:

– Ну хорошо... Только медленно и печально.

Эта неожиданность женской логики проявляется также в «нестандартности» способов, которыми женщины могут удовлетворять свои сексуальные потребности. В анекдотах, затрагивающих эту тему, ключевую роль обычно играют предметы, имеющие эротическую символику, – ср. (24). Однако эффект смешного возникает и в тех случаях, когда описываемая в анекдоте потенциально эротическая ситуация (предпосылки к такому ее пониманию также задают фигурирующие в ней эротические символы), неожиданно оказывается сугубо бытовой, далекой от эротизма. В случаях такого рода слушатель анекдота смеется над самим собой, над собственными разочарованиями в развитии эротической темы или над собственными догадками – ср. (25).

24) Женщина на приеме у гинеколога:

– Доктор, я никак не могу забеременеть.

– Ну что ж, давайте посмотрим влагалище.

Женщина открывает рот:

– А-а-а...

25) – Доктор, я перестала получать удовольствие от колбасы.

– А что вы с ней, простите, делаете?

– Я ее ем.

Специфическое освещение получила в «женских» эротических анекдотах и тема супружеской неверности. Жены, так же как и мужья, совершают измены. Однако идеология этих измен резко отличается от идеологии измен мужских. Изменяя мужьям, жены их еще и презирают (или во всяком случае ставят ниже любовников, о чем прямо в общении с последними и говорят). Смех в этом случае вызывает неожиданное открытие того, что скрыто, – неверности жены и ее отношения к мужу. Ср. (26).

26) Собрался некий мужчина рано утром на рыбалку. Вышел из дому. Видит, дождик моросит, холодно... Решил вернуться домой. Пришел, разделся и ложится в постель под одеяло, поближе к жене. А та, не раскрывая глаз, обнимает его и бормочет спросонок:

– Это ты пришел? Такой холодный... А мой-то дурак на рыбалку поперся...

Итак, человек обращается к эротической сфере, чтобы посмеяться над проявлениями собственного эротизма. Какую же более общую цель он при этом преследует? Почему для него это так важно? Ответить на эти вопросы означало бы полностью проникнуть в психологические истоки смешного. Это еще предстоит сделать.

Однако уже сейчас можно сказать, что тексты эротического содержания, призванные позабавить, функционируют в обществе как мощное средство его психического оздоровления и вместе с тем как средство более глубокого когнитивного освоения действительности. Так, открытое поправление «нормы» в эротической сфере и различных отклонений от нее, пусть даже и придуманных или искусственных, производится для того, чтобы вызвать смех и над самой этой «нормой», и над ее нарушениями. А в этом смехе рождается особый жизнерадостный цинизм, который помогает человеку возвыситься над условностями жизни и над проблемами, которые жизнь реально ставит перед человеком.

Вследствие этого эротические анекдоты оказываются сродни ритуальному обнажению или глумлению над святынями, цель которых – отделить культурные условности от безусловного и в конечном итоге – выйти на более высокие уровни понимания этих святынь¹⁶. Фактически они являют собой осуществление на вербальном уровне карнавальной практики, при которой «верх» и «низ» меняются местами, добропорядочность высмеивается, а порок или жизненная проблема предстают в жизнерадостном, утверждающем свете – ср. (27) и (28):

27) Аптека.

- У вас есть лекарство от гонорей?
- Да, платите в кассу.
- А вы пока заверните его покрасивее. Подарок все-таки.

- 28) – Помогает ли корень жень-шень при половой слабости?
– Помогает, если хорошенько привязать.

В этой карнавальности проявляется не только ментальная сила человека, но его психическое здоровье и в итоге – способность открывать для себя самые высокие планы бытия. В конце концов, совсем недалеко от истины тот, кто говорит всего лишь шутки ради:

Жизнь дается человеку только один раз, но зато каким приятным способом!

¹ К их числу, в частности, относится противопоставление мужского и женского начал, широко распространенная в культуре сакрализация эротической сферы, обнаруживающая ее фундаментальность, осмысление эротизма как космогонического принципа (например, в греческой мифологии его олицетворением выступает Эрос). Эротическими по своей сути являются и частные признаки, определяющие собственно «мужское» и «женское»: первое оценивается как сухое, активное, отдающее, одухотворяющее, второе – как влажное, пассивное, принимающее, оформляющее. Отчетливо «эротическую» подоплеку имеет, наконец, актуальное для традиционного сознания (а для современного человека вновь ставшее актуальным благодаря учению З. Фрейда) отнесение продолговатых предметов к «мужским», а вместилищ – к «женским».

² См.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 133; *Sartori P.* Erzählen als Zauber // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1930. Bd. II. H. 1 – 2. S.43.

³ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 129 – 130. Есть основания полагать, что ситуации, в которых такие истории рассказываются, связаны с инициацией – прежде всего переходом молодого человека во взрослые и женитьбой (переходом в группу семейных людей). Рассказывание непристойностей в этих условиях имело, по всей видимости, обрядовый характер, свидетельствовало о зрелости человека и снятии с него некоторых социальных запретов. Похоже также, что аудитория, в которой эти непристойности рассказывались, была сугубо мужской – в силу большого количества в них общенной лексики (см.: *Михайлов В.Ю.* Русский мат как мужской общенный код.: проблема происхождения и эволюция статуса // *Новое литературное обозрение.* 2000. №3. С. 349 – 350; *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 56). Вместе с тем имеются свидетельства относительно того, что еще в XVIII веке на Руси существовала ритуальная матерная брань, которой родители учили детей с самого младенчества (см.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 64 – 65).

⁴ Существуют также «заветные пословицы и поговорки» (они были собраны В.И. Далем совместно с П.А. Ефремовым), «заветные песни» (Кирша Данилов), «заветные загадки», «заветные стихи», «заветные прибаутки»; в более позднее время появляются такие же «заветные» (непристойные) повести. Элементы эротизма встречаются даже в таком эпическом жанре, как былины, но стилистика описания эротических сцен в них оказывается принципиально иной – высокой. Ср.: *А не помнишь ли, Ставер да сын Го-*

динович, / А мы с тобою свачкой поигрывали, / А мое было колечко золоченое, / Твоя-то была свачка серебряна, / Ты тут попадавал всегда всегда... (Былина о Ставре Годино-виче. – Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. Т. 1. СПб., 1894. С. 102. №7).

⁵ Тезис о том, что непротиворечивое соединение содержательно разнородных ситуативных планов в сознании субъекта составляет универсальное когнитивное основание смешного, представляется весьма продуктивным. И отнюдь не случайно сходной точки зрения на данную проблему придерживается такая практико-психологическая система, как дзен, для которой тема смешного (в том числе связанного с непристойностями) является одной из ключевых. Ср.: *Смех появляется тогда, когда внезапно исчезает расстояние между двумя противоположными идеями* (Кацуки С. Практика дзен // Дзэн-Буддизм. Бишкек, 1993. С. 585).

⁶ Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 139.

⁷ Анализ и цитирование сказок производится по изданию: *Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки*. М., 2003.

⁸ Успенский Б.А. Указ соч. С. 140.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Более «высокие» варианты этих образов – *стрела* и *копье*, которые символизируют мужской половой орган в древнерусской эротической повести «Сказание о молодце и о девице». Ср.: Сице рече младый отрок к прекрасной девице: Душечка еси ты, прекрасная девица, есть у тебя красное золото аравийское, да всадил бы я свое буланое копье <...> И рече ему красная девица: Свет государь мой, холостый молодец неженатой <...>, и ты, государь, где меня узришь, и тут бы ты в меня вложил свою каленую стрелу... (Цит. по: Успенский Б.А. Указ соч. С. 145).

¹¹ Показательно, что это представление фиксируется и в настоящее время, но в несколько иных коммуникативных условиях. На реплику *Иди нах..й!* иной раз дается такой ответ: *Я и так на х..ю, только ножки свесил*.

¹² Мотив независимости мужского полового органа является сюжетообразующим в сказке «Посев х...ев». В ней penis'ы существуют сами по себе, независимо от мужчины, являюся объектом купли / продажи, при этом сохраняя способность к выполнению своей функции. Обращает на себя внимание в этой сказке и тот момент, что команды, по которым penis'ы начинают и заканчивают свою работу, также «лошадиные» – *Но-но!* и *Тпру!*

¹³ Эта семантика колодца отмечается в различных культурах. Так, он может символизировать женское начало, утробу Великой Матери. Закрытый колодец – символ девственности. В иудео-христианской традиции колодец (источник, родник) у подножия Древа Жизни в раю дает начало Водам Жизни (Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995. С. 143). В исламе колодец также символизирует собой рай с его наслаждениями. Связь колодца с эротикой устанавливается и в древнекитайской литературе.

¹⁴ См.: Успенский Б.А. Указ соч. С. 137.

¹⁵ Говоря об этом, уместно привести еще одно высказывание мастеров дзен относительно природы смешного: *Достигнуто нечто невозможное: в одно мгновение исчезает расстояние между образом, о котором мы говорили как о недопустимом, и другим образом, который с торжествующим видом возник перед нами...* (Кацуки С. Практика дзен // Дзэн-Буддизм. Бишкек, 1993. С. 587).

¹⁶ Сходные стратегии разрабатываются в литературе современного русского литературного постмодернизма, общую цель которого составляет разрушение

традиционных культурных представлений и выход на более высокий уровень их осмысления. Об этом см.: *Берестнев Г.И.* Литературный постмодернизм с когнитивной точки зрения: на материале поэтических произведений Д.А. Пригова и В. Вишневского // Актуальные проблемы литературы: комментарий к XX веку: Материалы международной конференции. Светлогорск. 25 – 28 сентября 2000 г. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 32 – 39; *Берестнев Г.И.* Особенности концептуального абсурда у Д.А. Пригова // Балтийский филологический курьер. 2000. №1. С. 87 – 96.